

*Бог создал Кошку,
чтобы у человека был тигр,
которого можно погладить.*

Виктор Гюго

ДЕТСТВО ТОМА

Его высочество Том. Не кот, а полноценный член нашей семьи. По жизни психолог, Казанова и боец. К каждому имел свой подход. Мама была для него Богиней, на нее он, можно сказать, молился. Отца воспринимал как соперника, периодически бился с ним за внимание мамы. С братом рос вместе, они были друзьями. А я так, обслуживающий персонал, если мамы нет дома.

Том появился у нас седьмого ноября 1993 года. Мама приехала откуда-то (как потом выяснилось, с птичьего рынка) и сказала:

— Лезь ко мне за пазуху.

Я нащупала там теплый меховой комок с жесткой шерстью и поначалу, в темном коридоре, решила, что мама привезла декоративную крысу. На свету комок оказался белым котенком с ушами и хвостом цвета муки третьего сорта. Тогда мы еще не знали, что сиамцы рождаются полностью белыми и характерный окрас приобретают к полугоду, и подумали, что на рынке маме подсунули обычного беспородного мурлыку. Однако котенок вырос не только по окрасу, но по всем статьям образцовым сиамцем. Зверя назвали Томом. Имя ему выбрала мама, в нашей семье любят мультики.

Отопительный сезон еще не начался, и все ходили по квартире в спортивных костюмах. Котенок с разбегу запрыгивал на чьи-нибудь штаны, забирался по ним, как по дереву, все выше и выше и норовил влезть за пазуху. Именно у мамы он там поначалу частенько и обретался. Когда Том подрос, резинки на поясах пришлось утягивать: вес усатого товарища все увеличивался, а ловить штаны на коленях — та еще гимнастика.

КОШАЧЬИ ЗАБАВЫ

К году Том стал темпераментным красавцем, от проделок которого мы были в восторге и с удовольствием рассказывали про них друзьям и знакомым.

Одна из его любимых шалостей — сунуть морду в кружку или трехлитровую банку с молоком и полакать оттуда. А потом с хитрым прищуром посмотреть на того, чье молоко испоганил: «Ну и что теперь делать будешь?» Вообще-то молоко он не любил, это так, для адреналина, вот сгущенка — совсем другое дело. Стоило Тому увидеть «правильный» бело-синий рисунок на консервной банке, как сразу же раздавался требовательный мяв. Ну и танцы под ногами, пока не получит сгущенки или

пинка. Похоже, кот искренне считал, что если за день о него никто не споткнулся, то эти сутки прожиты зря.

Также Том понял: если украсть и надгрызть палку колбасы, то ее отберут, ему всыплют по первое число, но сколько он надкусит, столько потом отрежут и ему же отдадут. Поэтому он не обедал колбасу с одного конца, а быстренько надгрызал палку по всей длине. И ведь делал это не от голода, а из любви к искусству.

Каким-то образом он научился добывать мясо, которое мы ставили на разморозку в закрытый кухонный шкаф (в те времена микроволновки еще не были так распространены, как сейчас). Уж не знаю, сколько раз он попиrowал до того, как мы его застукали, но для разморозки мяса и рыбы пришлось срочно искать другое место.

Помимо всего, Том умел абсолютно бесшумно снимать и ставить крышку на сковородку, причем с поличным не был пойман ни разу. Выяснилось это так. Захожу я на кухню, а сковородка как-то неестественно стоит, еще чуть-чуть — и упадет с плиты. Понятно, что никто из людей так чугунную посуду оставить не мог. Но крышка-то на месте! Я задумчиво перевожу взгляд на пол. На линолеуме возле плиты улика — жирное пятно. Открываю сковородку: в ней жареная рыба и пустое место по центру. Бегу в коридор и вижу обглоданные рыбки кости. Какие же противоречивые чувства меня тогда обуревали! Кража налицо, а на свое место, поганец, уже отнес и слопал. И ведь ни единого звука! Вроде и нужно провести воспитательную работу, да поздно.

К слову, рыбу Том очень любил. Правда, по молодости у него однажды кость застряла в горле, мама пинцетом еле вытащила. Но после этого случая он научился есть рыбу так, чтобы все косточки оставались горкой.

Были у нас с Томом свои игры. Одна из них — «отнеси еду на место». Коту выдавали кусок мяса и говорили: «Том, место», после чего он брал этот кусок в зубы и нес к своей миске в коридоре. В игре имелся нюанс. Если какой-то кусок Том украл, но успел-таки донести в свой угол, трогать кота и его добычу запрещалось: все, чики-домики!

Другая кошачья игра, «раздери диван», была рассчитана персонально на меня. Том вонзал лапу в обивку и ждал, когда я наконец обращу на него внимание. А дождавшись, он несколько раз сильно когтил несчастную мебель и давал стрекача. И что самое обидное, когда я умотала летом сначала в горы, а потом на море, Том, по словам мамы, за два месяца к дивану ни разу не подошел. Но как только я приехала, он сразу же устроил показательное выступление.

Как-то наше семейство смотрело по телевизору «В мире животных», а Том крутился рядом. И вдруг... кот резко всем телом припадает к коврику и прижимает уши, причем передние лапы не вперед вытянуты, а в разные стороны распластаны. Взгляд бешеный, устремлен в потолок. Мы сначала не поняли, на что такая реакция. И тут из телевизора опять доносится звук — крик орла. Том, не меняя положения, задом выползает из комнаты. Елки-палки, да ты же с этой птичкой никогда не встречался, откуда бы знал...

Однажды Том сообразил, что практически сливается по цвету с меховым покрывалом в крупную клетку, и решил проверить нашу наблюдательность — провести, так сказать, боевые испытания. События развивались следующим образом.

Сижу я в комнате. Вдруг из кухни раздается мамин вопль: «Том, скотина!» Потом забег кота, а за ним мамы через весь коридор. Кот запрыгнул на кровать и распластался на покрывале, следом влетела мама. Окинув комнату беглым взглядом и не заметив зверя, она вздохнула и буркнула, что на этот раз втаскивать мохнатого шкодника из-под кровати ей некогда. И ушла. Когда Том поднял голову, на его морде читалось такое самодовольно-издевательское выражение: «Ха, сработало!» — что я аж обалдела.

Кошачье самоощущение — это вообще отдельная тема. Для кошек очень важно, чтобы в доме было место, где бы они себя чувствовали в безопасности. Успел туда заскокить — баста, ребята, я в домике. Таким местом у нас был туалет, и кот, нашкодив, несся туда на всех парах. Однажды я наблюдала «большой кошачий облом». В кухне крик: «Том, скотина!» Топот носорога (простите, кота) через весь коридор, наш зверь

подбегает к двери туалета, а там... занято! Морда Тома такие эмоции выразила — смесь удивления, возмущения и разочарования одновременно.

Помимо прочего, кот был таким же претендентом на фаянсовый трон, как и любой из нашего семейства. Пару раз мы сгоняли усатого с унитаза: мол, ничего, подождешь-потерпишь, но Том с этим не смирился и отомстил по-кошачьи — кучей и лужей на полу в коридоре. Мы его позицию приняли, больше Его высочество во время столь ответственного процесса не беспокоили и скромно переминались с ноги на ногу. А кот важно восседал на унитазе, возведя взгляд в послезавтра, и поглядывал на дверь. Завидев кого-то из страждущих, он издевательски затягивал процесс, пересеживаясь с одной стороны унитаза на другую, а потом долго скреб лапой пластиковое сиденье...

СЕМЕЙНЫЕ БУДНИ

У меня такое впечатление, что в прошлой жизни Том работал судебным приставом, ибо описун он был отменный. Несколько лет моя двоюродная сестра Юлия, приезжая на сессию в наш город, возила на своей сумке «приветы» от своего тайца Лакки нашему сиянцу и обратно. Не будучи лично знакомы, они выясняли отношения «по переписке».

Когда брату купили велосипед, кот его обнюхал, подошел к заднему колесу, повернулся и сбрызнул спицы, то же проделал и с передним колесом. Наблюдавшая это мама философски заметила: «Ну все, теперь велосипед точно наш».

А еще Том умел напустить лужу так, чтобы она попала под обувь и распределилась строго по контуру подошвы, а сверху ничего не было заметно. Вспоминается знакомый, зашедший к нам на пять минут в туфлях за пятьсот баксов. Мой словарный запас в тот день существенно пополнился.

Впрочем, была от нашего кота и практическая польза — он работал будильником. Каждое утро (и по выходным тоже) в шесть ноль-ноль он поднимал маму, и дальше уже она будила остальных членов семьи. Как-то осенью еще не включили отопление, дома было холодно и вылезать из-под одеяла никому не хотелось. И вдруг раздается мамин крик: «Том, предатель, мы проспали!»

Начался аврал: мама мчится на кухню, гремит кастрюлями, хлопает дверцей холодильника, мы все собираемся в режиме нон-стоп. Я заглядываю в мамину комнату, и... Эта картина до сих пор стоит перед глазами. Кот высовывает голову из-под одеяла, слегка ее приподнимает и устремляет в сторону кухни взгляд, в котором прочитывается: «Ну что, уже дадут пожрать? Нет, похоже, сейчас вовсе не до меня...» И кошачья голова нырнула назад под одеяло.

Как-то родители уехали по путевке в отпуск. Младший брат и кот остались на мне. Я училась в вузе на вечернем отделении, брат ходил в школу во вторую смену, так что вставать ни свет ни заря у нас поводов не имелось. Но у кота было свое мнение на этот счет.

День первый. Я проснулась в шесть ноль-ноль, потому что меня больно били по руке когтистой лапой.

День второй. Сплю с руками под одеялом, проснулась в шесть ноль-ноль от пристального гипнотизирующего взгляда. Через пару дней перестала на взгляд реагировать.

День пятый. Проснулась в шесть ноль-ноль, мне в лицо тыкались мокрым носом.

День шестой. Сплю с руками под одеялом и укрывшись с головой, проснулась от когтистой лапы, выцарапывающей меня из-под одеяла.

День седьмой. Сплю, с головой замотавшись в одеяло, как египетская мумия, и по фигу, что дышать нечем. Проснулась из-за того, что четыре кошачьих килограмма гарцевали на мне не хуже тыгыдымского коня. Два дня я на это реагировала, потом перестала.

Кот наконец смирился и оставшиеся дни спал со мной до моего пробуждения.

Когда родители вернулись, Том запрыгнул на маму, прилегшую отдохнуть с дороги, и обнял, что смог, всеми четырьмя лапами. С этого момента я снова перестала для него существовать.

К слову сказать, маме наш кот позволял все, один раз даже ел помидоры с ее рук. Когда он болел или на душе скребли мыши, он шел к хозяйке утешать горе-печаль. Первые несколько лет Том постоянно забирался к ней на колени и присасывался к пуговице на халате. Потом он смоктать перестал, но обнимал маму лапами за шею, распластывался по ней, мурчал и вообще был к ней необыкновенно привязан. И даже не потому, что она его кормила, это было какое-то особое поклонение. Том постоянно демонстрировал маме свою преданность, хотя она ничем не пыталась ее заслужить.

С отцом Том соперничал и периодически устраивал статусные разборки.

Однажды мама и мы с братом уехали из города, а Том и отец остались дома. Утро, звонок будильника, они вместе встают и идут к дверям комнаты. Дальше их пути расходятся: отец налево (в ванную), а кот направо (на кухню, к пустой миске). Так продолжалось три дня. На четвертый день Том не выдержал, и когда отец свернул «не туда», кот набросился на него и цапнул за ногу. Отец тут же залил место укуса йодом, тем не менее лодыжка быстро распухла и ни в один ботинок не влезала. Телефонные объяснения отца по поводу причины внезапного недомогания вызвали хохот и совет начальника «прекратить симулировать, пока не наказал». Однако узнав, что наш кот — сиамец, начальник посерьезнел и зауважал Тома на расстоянии. Как же, мол, знаю, эта порода — агрессивна, непредсказуема и злопамятна. В общем, отцу поверили.

От моего младшего брата Том огребал по всей строгости прожизвания животного в семье с маленьким ребенком. Все было: заплывы в ванной, намазывание носа горчицей и настолько жесткое тисканье, что глаза бедного зверя чуть ли не выскакивали из орбит. Только и слышалось: «Миша, перестань мучить животное!»

Впрочем, брат доставал не только Тома, но и меня. Поэтому, когда он был мелким, я периодически поднимала его за ноги, вниз головой, и трясла. Потом моих силенок на такое действие уже не стало хватать.

И вот однажды наступил прекрасный для кота, но ужасный для брата день, когда после очередной выходки я схватила мелкого пакостника за руки и поволокла по коридору. Том тут же воспользовался моментом. Не теряя ни секунды, он подбежал к брату и с азартом начал делать «хрум, хрум, хрум», начиная со щиколотки и поднимаясь все выше. Мелкий забился в истерике. Сразу говорю, что никаких физических увечий кот не нанес, это была чисто психологическая атака. Я даже подержала брата подольше, чтобы он сполна прочувствовал, как это — находиться в безвыходном положении. Потом смеялись все — разумеется, за исключением нашего потерпевшего.

А вообще у Миши руки, плечи и грудь покрыты мелкими шрамами. Это вооруженный когтями Том от него отбивался. Претензий к коту нет, другой бы на его месте просто выцарапал глаза маленькому озорнику. Мама это тоже признавала и очень радовалась, что наш зверь — товарищ умный.

Самое интересное, что, когда брат подрос и время жестоких детских шалостей прошло, они с котом стали друзьями не разлей вода. Том ходил за ним по квартире хвостиком, они вместе спали на диване и над конспектами. А когда Миша возвращался домой после колледжа, Том бежал к нему и о чем-то рассказывал на кошачьем языке.

Кстати, у Тома был грандиозный голосовой диапазон, интонацией он мог выразить все. Мне очень нравился утробный звук, который он издавал при пробуждении от звонка в дверь. Еще бы, спит себе Его высочество в одеялах, десятый сон видит, а тут кто-то приперся, надо бежать, встречать... Кот никогда не сомневался, что это именно к нему пришли.

ТОМ И КОШКИ

Когда пришло время, Том потребовал кошку. Да так, что его зычное «мырроу» было слышно в соседнем дворе. Дефилировал по балкону второго этажа, время от времени поворачивался к публике задом, гордо задирает хвост и демонстрировал, что он кот. Так его находили хозяйка сиамских невест. Периодически в нашу дверь раздавался

звонок, и гости говорили, что у них есть кошечка и как бы вот так их свести... Для рождения сиамских котят нужно, чтобы оба родителя были сиамцами, иначе родятся только черные или — реже — другого окраса. Тома выдавали в корзине в обмен на телефон и адрес или принимали невест у себя.

Ухаживал Том настойчиво. Ничто не могло встать между ним и объектом его обожания. Как-то в ветклинике, куда я привезла Тома на прививку, он неожиданно вырвался и помчался в зал, где сидели хозяева со своими занедужившими питомцами, сплошь огромными собаками. Но Том их даже не заметил, сфокусировавшись на единственном достойном объекте — пушистой белой кошке, которую держала на руках молодая девушка, стоявшая в центре зала. Подойдя к ней, наш Ромео бесцеремонно полез по ее одежде к своей избраннице. Кошка от напористого ухажера взметнулась к хозяйке на голову, выше лезть было просто некуда. Я ломанулась вперед!

И вот ситуация: посреди зала дергается несчастная девушка, пытаясь отцепить кошку, которая намертво вкогилась ей в голову, а я тем временем стараюсь отодрать от страдальцы Тома, и все это на глазах огромных кобелей и их изумленных хозяев.

Наш кот произвел фурор, и с тех пор его в ветклинике всегда величали «настоящим мужчиной».

Однажды в дверь позвонила соседка с третьего этажа и потребовала, чтобы родители срочно поднялись к ней: «Полубуется, что ваш котик устроил!» Я увязалась следом. Нашим глазам предстала картина маслом: под входной дверью в квартиру соседки лужа, вокруг валяются ключья утеплителя, а Том возлежит рядом и из-под разодранного дерматина одной лапой вяло выковыривает набивку. Раздавшиеся из-за двери требовательные кошачьи вопли заставили Тома сорваться с места и заработать обеими передними лапами с такой невероятной скоростью, что утеплитель ключьями взлетал в воздух и медленно, как хлопья снега, опускался на пол.

После недолгого совещания хозяйка хвостатой невесты приоткрыла дверь, оттуда высунулась кошачья мордочка и муркнула, зазывая Тома. Кот незамедлительно исчез в квартире, а мы с открытыми ртами остались стоять на лестничной клетке. Через несколько минут Том вышел и деловито направился куда-то по своим надобностям. Соседка только и смогла выдать: «Я ж тебя, заразу, таблетками кормила...»

Уточним, что эту парочку мы уже сводили и мужская сущность Тома не смогла остаться равнодушной к призывам старой приятельницы. А вандализм, учиненный котом, мать с отцом устранили: замыли лужу и наложили дерматиновую заплатку на разорванную обивку двери.

Том никогда не поднимал на кошку лапу. Она могла в кровь изодрать ему морду, а он с нежнейшим мурчанием продолжал свои ухаживания. Следствием такой любвеобильности были алиментные котята, которые довольно часто появлялись в нашей квартире. Так что Том, в отличие от большинства котов, воспитывал своих отпрысков, и смею заверить: отцом он был заботливым. Иногда мы по месяцу не могли пристроить котенка, и все это время он ни на шаг не отходил от малыша.

Правда, тут были нюансы. Том никогда не следил, по шерсти или против шерсти он вылизывает котенка, это уж как поймал. Пушистая малявка только возмущенно пищала. Спали они, естественно, тоже вместе. А какими умильными были моменты, когда очередной сынок или доча вылизывали отцу морду, а он мле!

К тому же Тому поневоле приходилось изображать «кормящего отца», котенку же не объяснишь, что у папы молока не бывает... Малыши упорно тыкались ему в пузо и с громким причмокиванием пытались добыть несуществующее питание, а кот мрачно терпел.

Потом мама звала с кухни: «Кис-кис-кис», зверье вылетало из комнаты и несло к кормушке. Том, конечно, выигрывал в скорости, но его сильно заносило на поворотах, что давало пузатой мелочи фору. Однако он никогда не отнимал еду у детей и строго соблюдал введенное им же самим правило: кто первым сунул морду в миску, тот и ест. Причем в периоды воспитания котят у Тома начисто пропадала привередливость и он (в том числе на стрессе) трескал все, что давали.

ТОМ И ДРУГАЯ ЖИВНОСТЬ

К прочей живности в нашей квартире Том относился лояльно. Для него куда больший интерес представлял холодильник, нежели аквариум, попугай и хомячки.

Аквариум Том использовал как источник H₂O. Единственный раз, когда его заинтересовали рыбки, — это когда при смене воды мы выпустили их в таз. Кот, недолго раздумывая, запрыгнул туда, постоял с полминуты в воде, наблюдая за рыбками, а потом пошел гулять по квартире, волоча за собой гирлянду из прицепившихся к задней лапе водорослей.

На самого первого хомяка Том, конечно, смотрел вытаращенными глазами: «Хозяева, это же мышь, вы чего с ней сюсюкаетесь?!» А мышей он научился ловить еще в детстве, когда они забредали в нашу квартиру через вентиляцию (и это были вовсе не декоративные мыши, с которыми Том поступал, как и положено хищнику). Но весь этот вечер любые движения кота в сторону хомяка пресекались громкими криками, и кот нехотя принял, что именно эту мышь ему трогать нельзя. С тех пор он не обращал на хомяков внимания, даже когда они, расплодившись, табуном носились по квартире и совершали набег на его миску. Иногда я даже наблюдала, как Том и хомяки вместе обедали.

Что же касается попугая, Том абсолютно не был виноват, что у нашего волнистого летуна начисто отсутствовало чувство самосохранения. Птицу время от времени выпускали из клетки полетать, растрясти жирок, а она не придумала ничего лучшего, чем крутиться перед самым носом возлежащего где-то кота. Естественно, у Тома срабатывали инстинкты, и он со всей дури лупил по провокатору лапой. Фонтан перьев, истеричные крики попугая и кот, от ушей до кончика хвоста возмущенный тем, что пришлось прервать сладкую дрему. В общем, все это плохо кончилось — однажды Том изловчился и цапал-таки разноцветную добычу. И хотя мы с братом у него попугая сразу отобрали, наутро беспечный страдалец приказал долго жить.

Еще Том водил дружбу с немецкой овчаркой нашей знакомой. Он всегда радостно ее встречал, и они играли в салки, по очереди гоня друг друга по длинному коридору нашей квартиры.

ТОМ И СВОБОДА

Больше всего Том любил свободу. Первое время мы его выпускали на улицу, но после очередного впечатляющего счета из ветклиники свободу пришлось ограничить.

Ко всему прочему, однажды нашу радость попытался украсть какой-то мордорот. Он уже вынес Тома из подъезда, держа его на вытянутых руках, и направлялся к припаркованной рядом иномарке, когда эту картину увидела наша соседка с седьмого этажа (сиамского красавца знал весь дом) и вцепилась в перепуганное животное с криком: «Отдай, сволочь, это мой кот! Я номер запомнила, сейчас милицию вызову!» И отвоевала-таки нашего гулену.

С тех пор все наше семейство стало голкиперами. Чуть ли не каждое открывание двери сопровождалось криками: «Держи кота!» А тот, в свою очередь, с маниакальным упорством старался проскочить на волю. Потом он наострил висеть на деревянной обшивке внутренней двери, оглушающе мягкая. По большей части делал он это ближе к ночи, днем отсыпался.

Еще Том сообразил, что можно вырваться на волю, если подергать засовы на внешней металлической двери, и однажды именно так ночью свалил из квартиры на гульки. Но чаще он засовы задвигал, причем порой, когда оставался дома один, и вот тут начинались приключения. Сосед подгонял под окно свой ЗИЛ с кузовом-фургоном, отец забирался на его верх и приставлял к окну лестницу, по которой мой маленький брат влезал в кухонную форточку (благо, все-таки второй, а не десятый этаж).

Впрочем, побеги все равно совершались регулярно. И случалось, среди ночи мы вылетали на грозный рык в подъезд с ведром воды — разливать дерущихся котов. Другого способа расцепить кошачий клубок мы так и не придумали.

Купаться Том не боялся, но каждый день его купать! Дошло до того, что он перестал вылизываться. А зачем, если и так помоют.

Дважды мы брали кота с собой, когда ездили в гости к бабушке и дедушке. Это было самое счастливое время в жизни Тома, ведь в его распоряжении был частный дом и свободный выход в сад. Как же у него тогда горели глаза!

Путешествовать с Томом было легко. Разве что унитаз в поезде нам пришлось надраивать конкретно: не хухры-мухры, родного кота на него сажать!

Когда поезд только тронулся, Том сначала насторожился, что пол шатается, а потом привык. Но больше всего его поразило, что за окном «картинка поехала». Том привстал на сиденье, поставил передние лапы на стол и посмотрел в окно. Потом спрятал мордочку в лапы, снова посмотрел в окно — пейзаж за стеклом продолжал двигаться. Том проделал несколько раз действие с выглядыванием и закрыванием мордочки лапами и схоронился под столом. Посидел там, принял наконец, что мир иногда движется сам по себе, успокоился и больше ничему не удивлялся.

После нашего приезда дедушка первым делом прибил деревянную планку на окно, чтобы коту было сподручнее запрыгивать с улицы в комнату, где спала мама. И Том, возвращаясь с ночных загулов, не ломился с воплями в дверь, а сразу направлялся к нужной форточке, а потом под теплый бок своей Богини.

Кроме того, Том быстро понял, что хозяйка в этом доме не мама, а бабушка, а значит, и завтрак надо требовать с нее. До сих пор для меня остается загадкой, как он умудрялся утром орать под тремя дверьми, выходящими в коридор, таким образом, что просыпалась только одна бабушка. А она все удивлялась: «Вы что, его не слышите?»

Самыми любимыми растениями в саду для Тома оказались старые кусты черной смородины. За время нашего пребывания в гостях кот так взрыхлил и удобрил землю вокруг них, что они пустили новые побеги.

Естественно, Том не ограничивался одним «своим» участком, он заезживал в гости к соседям, которые прозвали его «кот с черными ушами». У одних он охотился на цыплят, за что был неоднократно проклят, у других не брезговал супчиком...

В общем, у бабушки с дедушкой наш кот жил в свое удовольствие. А вернувшись в городскую квартиру, наскоро обежал владения и завыл протяжно и очень тоскливо. И в течение еще нескольких месяцев иногда сам забирался в транспортную корзину и жалобно смотрел на нас: «Я готов, поехали уже!»

ТОМ И Я

Что касается моих отношений с Томом, то, как уже говорила, для него я была элементом ландшафта — ни поклонения, ни особой вражды, ни дружбы, даже как-то обидно.

Я до сих пор не понимаю, как этому коту удалось стать фактически центром нашей семьи. Тома давно нет, сейчас у родителей живет сямка Томочка — дочка Тома от его последней романтической истории. Пятнадцать лет он провел с нами. Но у котов, оказывается, тоже бывает цирроз печени. Мы, как могли, боролись за его жизнь, носили в ветклинику делать уколы и капельницы, но ситуация была необратимой.

Недавно, разбирая семейный архив, я углядела еще одну особенность нашего любимца. Оказывается, он был прирожденной фотомоделью. Как только Том видел нацеленный на него объектив, он сразу приосанивался и начинал позировать. И ведь правда, нам не приходилось бегать за ним с фотоаппаратом или видеокамерой, на снимках и видеозаписях он остался дерзким, сильным и харизматичным — таким, каким он всегда и был.

